Содержание

От издателя 7
Предисловие к изданию 1980 года 9

Часть I
ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ СТРАТЕГИИ

Глава 1. Отставание науки международной стратегии . . . 15

Глава 2. Эссе о торге 35
Переговорная сила: сила связать себя обязательством . . 36
Институциональные и структурные характеристики переговоров 44
Угроза 52
Обещание 62
Пояснительная игра 66

Глава 3. Торг, коммуникация и ограниченная война 73
Молчаливая координация (при общности интересов) . . . 74
Молчаливый торг (при расхождении интересов) 79
Открытый торг 89
Неявные переговоры и ограниченная война 98
Подготовительные шаги 101

Часть II
ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ТЕОРИИ ИГР

Глава 4. К теории взаимозависимых решений 107
Пересмотр классификации игр 112
Игры координации 115
Суггестия и взаимное восприятие в игре со смешанными мотивами 127

Глава 5. Принуждение к исполнению обязательств, коммуникация и стратегические ходы 149
Иллюстративный ход 152
Угрозы 154
Обещания 164
Отказ от инициативы 171
Идентификация 173
Делегирование 176
Посредничество 178
Коммуникация. Разрушение коммуникации 180
Отражение стратегических ходов в матрице игры 185
Парадокс стратегического преимущества 194
«Стратегические ходы» 197

Глава 6. Теория игр и экспериментальные исследования . . 199

Часть III
СТРАТЕГИЯ СО СЛУЧАЙНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Глава 7. Рандомизация обещаний и угроз 215
Риск неудачи 218
Риск неумышленного исполнения 224
Рандомизированные связывающие обязательства 225

Глава 8. Угроза, которая оставляет место случайности . . 229
Угроза непреднамеренной войны 230
Ограниченная война как генератор риска 233
Рискованное поведение в ограниченной войне 236
Ответные и подрывные действия 237
Рискованное поведение и «непреодолимые» угрозы 239
Балансирование на грани войны (конфронтация) 244
Несовершенство процесса принятия решений 245

Часть IV
ВНЕЗАПНОЕ НАПАДЕНИЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМНОГО НЕДОВЕРИЯ

Глава 9. Взаимный страх перед внезапным нападением . . 251
Бесконечные последовательности вероятностей 253
«Точно разрешимая» некооперативная игра 254
Игра как последовательность поочередных ходов 262
Другой подход к задаче 263
Вероятностное поведение, порождаемое несовершенством систем предупреждения 266
Динамическая настройка (параметрическое поведение) . 269
Молчаливая игра 272
Игра торга 273
Игра более чем двух игроков 276

Глава 10. Внезапное нападение и разоружение 277
Ошибочное истолкование действий как нападения 296
Ошибочное истолкование действий во время ограниченной войны 297
Взаимное ошибочное истолкование 298
Длительное наблюдение 300
Избыточность системы 300

Приложение A. Ядерное оружие и ограниченная война . . 307
Приложение B. К отказу от симметрии в теории игр 319
Приложение C. Новая интерпретация концепции решения для «некооперативных» игр . . . 347
Конфликтующие интересы 354
Манипуляции со стороны третьего лица 356
Интерпретация выигрышей 357
Число игроков 358
Заключение 358
Предметно-именной указатель 359

От издателя

Серию «Международные отношения», издаваемую в рамках проекта «Навигатор», открывает работа, принадлежащая перу нобелевского лауреата, профессора факультета экономики и Школы публичной политики университета штата Мэриленд в США Томасу Шеллингу «Стратегия конфликта». Хотя Томас Шеллинг получил Нобелевскую премию по экономике, ту сферу интеллектуального поиска, в которой он достиг выдающихся успехов, вряд ли можно целиком отнести к «владениям» этой науки. Его работы носят поистине междисциплинарный характер, в той или иной степени затрагивая международные отношения, политическую науку, психологию, социологию, военную стратегию, теорию управления и другие дисциплины. И все же работа «Стратегия конфликта» выходит в серии «Международные отношения». Это связано и с тем, что сам автор применяет излагаемые идеи в первую очередь к сфере международной политики и стратегии, так как сама постановка задачи — построение теории стратегического поведения для ситуации формально равноправных участников, имеющих частично совпадающие, а частично конфликтующие интересы — наиболее соответствует данной прикладной области.

Есть целый ряд причин, по которым приход этой книги к русскоязычному читателю представляется важным.

С чисто прикладной точки зрения нельзя не отметить, что именно идеи, изложенные в «Стратегии конфликта», оказали глубочайшее влияние на последующее развитие концепции ядерного сдерживания, контроля над вооружениями и других важных внешнеполитических доктрин. Работа Т. Шеллинга содержит в себе то, что неотъемлемой частью входит в интеллектуальный инструментарий большинства людей, принимающих внешнеполитические решения в различных странах, и в первую очередь — в США и других развитых государствах. Если мы хотим понимать логику и мотивы наших партнеров или оппонентов на международной арене, то знакомство со «Стратегией конфликта» совершенно необходимо.

Но одного этого было бы недостаточно, чтобы «Стратегия конфликта» заняла в интеллектуальной жизни то место, которое она на деле занимает. Важнейшим достоинством книги является то, что ее автор излагает весьма сложные понятия

теории игр (и шире — теории стратегии поведения в конфликтных ситуациях) ясным, доступным языком и с использованием минимума математического аппарата. Логика таких важных с теоретической и практической точек зрения понятий, как «угроза», «сдерживание», «реагирование», «обещание» и т.д., объясняется с помощью многочисленных примеров, понятных любому читателю.

Нельзя не отметить, что в «Стратегии конфликта» сформулированы многие вопросы, которые впоследствии стали предметом глубокой разработки в собственно теории игр — математической дисциплине, занимающейся моделированием взаимодействия людей с различными интересами. В то же время одной из важных тем «Стратегии конфликта» являются ограничения, присущие чисто математическому подходу к изучению такого взаимодействия. Книга Т. Шеллинга помогает лучше понять внутреннюю логику развития этой дисциплины на определенных этапах. Мы надеемся, что ее издание заполнит явную лакуну в русскоязычной теоретико-игровой литературе.

Книга Т. Шеллинга написана более 45 лет назад. С тех пор многое изменилось в мире, но именно поэтому она может служить полезным источником по истории «холодной войны». Некоторые главы «Стратегии конфликта» позволяют проникнуть в суть мотивов людей и организаций, определявших тогда ход событий на международной арене — и с этой точки зрения даже те фрагменты книги, которые касаются полузабытых фактов и событий, представляют немалый интерес.

Мы надеемся, что книга, приобретшая широкую популярность за рубежом и сохраняющая неизменную актуальность, окажется интересной и полезной для русскоязычного читателя.

Валентин ЗАВАДНИКОВ,
Председатель редакционного совета
проекта «Навигатор»
Ноябрь, 2006 г.

Предисловие к изданию 1980 года

Когда я узнал о том, что *Harvard University Press* собирается переиздать эту книгу в мягкой обложке, то задался вопросом: какие же части книги устарели столь безнадежно, что их придется либо убирать, либо переписывать, либо, по крайней мере, извиняться за них в новом предисловии. С тех пор как появилась «Стратегия конфликта», прошло уже 20 лет. Я не часто перечитывал ее, а некоторые ее части я не видел уже более десяти лет. Кое-что должно уже было стать банальным, неуместным или неверным.

Что-то и стало. Однако в целом я готов с радостью сообщить, что, несмотря на встречающиеся в книге забавные старомодные примеры, с ней все в порядке. Сегодня ошибочность содержащихся в первой главе комментариев относительно низкого статуса военной стратегии в университетах и среди военнослужащих настолько очевидна, что их можно без опаски оставить ради их исторической ценности. Гораздо более серьезный вопрос состоит в том, знают ли студенты (а на сегодняшний день только они могут читать эту книгу впервые), что такое Кинмен, кто такие Хрущев и Моссадек или как определялась победительница конкурса красоты «Мисс Рейнгольд».

Хорошо, что хоть Приложение А еще не устарело. Оно было написано исходя из того, что ядерное оружие не использовалось после Нагасаки. Так пусть книга и дальше переиздается вместе с этим неопровергнутым предположением.

Некоторые из идей, изложенных в главе 10, считавшихся мной оригинальными, теперь стали модными. Другие неминуемо выходят из моды. Сегодня существует огромное количество литературы, посвященной ограничению вооружений, включая некоторые мои работы, однако глава 10 по-прежнему рассматривает «Договор об ограничении стратегических вооружений» столь же подробно и ясно, как и любые другие 25 страниц текста, которые я когда-либо видел. Тому, кто хочет понять мои мысли по поводу стратегии и ограничения вооружений, я бы порекомендовал книгу с таким же названием, написанную мной вместе с Мортоном Гальпериным (Thomas C. Schelling and Morton H. Halperin, *Strategy and Arms Control,* Twentieth Century Fund, 1961) или свою книгу *Arms and Influence* (Yale University Press, 1966).

Большинство людей, вероятно, сегодня интересуются скорее теоретическим содержанием, нежели внешней политикой. При написании книги я надеялся помочь созданию междисциплинарной отрасли, описываемой тогда как «теория торга», «теория конфликта» или «теория стратегии». Я хотел продемонстрировать, что некоторые элементарные теории, лежащие на стыке экономики, социологии, политической науки, а также юриспруденции, философии и, возможно, антропологии, могут быть полезны не только абстрактным теоретикам, но и людям, занимающимся непосредственно практикой. Я также надеялся, и, как понимаю сейчас, ошибочно, что *теория игр* может быть переориентирована на применение в этих разнообразных областях. Не считая таких примечательных исключений, как Ховард Райфа, Мартин Шубик и Найджел Ховард, специалисты по теории игр предпочли не выходить за рамки математики. Та же область, которая, как я тогда надеялся, вскоре сформируется, продолжала развиваться, но не взрывным образом, даже не получив собственного названия.

Важную роль в развитии этой области сыграли несколько журналов, особенно *Journal of Conflict Resolution*. Однако за исключением осколков жаргона наподобие выражений «игра с ненулевой суммой» и «платеж» / «выигрыш» даже в своем наиболее элементарном виде теория практически не получила явного применения на страницах журналов, ориентированных на политиков и практиков. (Буквально несколько лет назад в статье, посвященной различиям в отношении СССР и США к конкретным видам оружия, которые могли бы стать объектом ограничения вооружений, я использовал несколько матриц 2×2, чтобы помочь читателям понять эти различия. Редактор журнала, имя которого я не буду называть, настоял на изъятии матриц из текста, чтобы не пугать читателей, которые пусть и чуть хуже поймут мою мысль, но будут чувствовать себя более комфортно, имея дело со слегка занудным словесным описанием.)

Книга была хорошо воспринята. Разные люди говорили мне, что она им понравилась или что они узнали из нее много нового. Но спустя двадцать лет больше всего мою душу греет реакция покойного Джона Стрэчи, выдающегося экономиста-марксиста 30-х годов, чьи книги я читал, учась в колледже. После войны он был министром обороны Великобритании в правительстве лейбористов. Центр изучения международных отно-

шений Гарвардского университета, где я работал, организовал его визит, поскольку он писал книгу по разоружению и ограничению вооружений. Когда он зашел ко мне, то стал восторженно говорить о том, как сильно книга «Стратегия конфликта» повлияла на его взгляды. И пока он с энтузиазмом рассказывал, я пытался догадаться, какая из моих хитроумных идей и из какой главы стала столь важной для него. Оказалось, что это не была какая-то определенная идея из какой-то конкретной главы. До тех пор пока он не прочитал эту книгу, он просто не понимал, что могут существовать конфликты, неустранимым элементом которых является ненулевая сумма. Он знал, что конфликт может сочетаться с общим интересом, но полагал или считал само собой разумеющимся, что они всегда могут быть разделены, а не являются аспектами единого целого, интегрированной структуры. Ученый, занимающийся проблемами монополистического капитализма и классовой борьбы, ядерной стратегии и политики альянсов, работавший на позднем этапе своей карьеры над вопросами ограничения вооружений и поддержания мира, читая мою книгу, неожиданно наткнулся на столь элементарную идею, что я даже не подозревал о ее неочевидности. Со скромностью и достоинством он признался мне в этом. Никогда не знаешь, к чему может привести написанная тобою книга.

Томас ШЕЛЛИНГ
Кэмбридж,
штат Массачусетс.

Часть I
ЭЛЕМЕНТЫ ТЕОРИИ СТРАТЕГИИ

Глава 1
ОТСТАВАНИЕ НАУКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТРАТЕГИИ

Среди разнообразных теорий конфликта, соответствующих различным значениям слова «конфликт», основная линия раздела пролегает между теми из них, которые относятся к конфликту как к патологическому состоянию и изучают его причины и способы устранения, и теми, которые принимают конфликт как данность и изучают связанное с ним поведение. Среди последних выделяются те, кто изучает самих участников конфликта во всей их сложности — учитывая «рациональное» и «иррациональное» поведение, сознательное и бессознательное, мотивации и расчеты — и те, кто сосредоточен на более рациональных, сознательных, хитроумных типах поведения. Грубо говоря, последние рассматривают конфликт как род соперничества, участники которого пытаются «победить». Изучение сознательного, разумного и сложного конфликтного поведения, основная задача которого — успех, похоже на поиск правил «правильного» поведения в смысле достижения выигрыша в соперничестве.

Эту область исследований мы называем *стратегией* конфликта[1]. Интерес к ней может быть обусловлен тремя причинами. Мы сами можем оказаться вовлеченными в конфликт; мы все, фактически, являемся участниками международного конфликта; и все мы в некотором смысле хотим «победить». Мы хотим понять, как должны вести себя участники в конфликтных ситуациях; понимание «правильного» способа ведения игры может дать необходимый минимум данных для

---

[1] Термин *стратегия* взят из теории игр, которая различает игры комбинаторные, азартные и стратегические. К последним относятся те, в которых наилучший образ действий каждого игрока зависит от действий другого игрока. Термин призван подчеркнуть взаимозависимость решений соперников и их взаимные ожидания относительно поведения друг друга. Это не военный термин.

изучения конкретного поведения. В ходе конфликта можно управлять поведением других или оказывать на него влияние, и поэтому мы хотим знать, каким образом контролируемые нами переменные подействуют на их поведение.

Ограничив наше исследование теорией стратегии, мы серьезно ограничим себя предположением о рациональном поведении — не просто о разумном поведении, а поведении, мотивированном осознанным расчетом выгод, т.е. расчетом, который в свою очередь основан на явной и внутренне непротиворечивой системе ценностей. Таким образом мы налагаем определенные ограничения на применимость получаемых результатов. Всякий раз, когда мы исследуем реальную ситуацию с помощью подобных методов, результаты могут оказаться на практике либо достаточно хорошим приближением к действительности, либо карикатурой. Любое абстрагирование несет в себе такого рода риск, и к полученным результатам следует подходить критически.

Преимущество теоретического подхода к стратегии не в том, что он всегда очевидным образом стоит ближе к истине по сравнению с альтернативными подходами, а в том, что предположение рационального поведения более продуктивно. Оно дает такое понимание предмета, которое непосредственно способствует развитию теории. Теория стратегии позволяет отождествить наши собственные аналитические процессы с теми, которые происходят у гипотетического участника конфликта; требуя от наших гипотетических участников в определенном смысле последовательного поведения, можно исследовать альтернативные линии поведения, проверяя, соответствуют ли они этим стандартам последовательности. Предпосылка «рационального поведения» эффективна при разработке теории. Обеспечивает ли получающаяся теория хорошее или плохое понимание конкретного поведения — это, повторяю, предмет последующих оценок.

Рассматривая конфликт как таковой и работая с его моделью, в которой его участники стремятся «выиграть», теория стратегии допускает существование у участников конфликта как общих, так и противоречащих друг другу интересов. Действительно, именно из того факта, что в международных отношениях существуют как взаимная зависимость, так и противоречия, и вытекает все богатство теории. Чистый конфликт, в котором интересы двух противников полностью

противоположны, — особый случай; он появляется в ситуации войны до полного истребления, но даже для войн другого типа он неприменим. По этой причине «выигрыш» в конфликте не имеет строго состязательного смысла; это не победа, одержанная над врагом. Здесь подразумевается выигрыш относительно своей собственной системы ценностей, и его можно добиться путем переговоров, компромиссов, а также избегая поступков, наносящих обоюдный ущерб. И только когда война оказывается неизбежна, не остается ничего, кроме чистого конфликта; но зачастую имеются возможности, позволяющие либо избежать войны, наносящей обоюдный ущерб, либо вести военные действия способом, минимизирующим этот ущерб, либо сдерживать врага угрозой войны, не начиная ее. Возможность взаимного компромисса столь же важна, как и элемент конфликтности. Концепции сдерживания, ограниченной войны и разоружения, а также переговоры связаны с общим интересом и взаимной зависимостью, которые могут существовать между сторонами конфликта.

Таким образом, стратегия — в том смысле, в котором я использую здесь это слово, — связана не с эффективным *применением* силы, а с *использованием силового потенциала*. Она описывает не только врагов, ненавидящих друг друга, но и партнеров, не доверяющих друг другу или несогласных друг с другом. Она имеет дело не только с разделом выгод и потерь между двумя участниками тяжбы, но и с возможностью, что одни исходы будут хуже (лучше) для *обеих* сторон, чем некоторые иные исходы. В терминах теории игр наиболее интересные международные конфликты являются играми не с постоянной, а с переменной суммой: сумма выгод участников конфликта не установлена так, что выигрыш («больше») одного неизменно означает проигрыш («меньше») для другого. Общий интерес заключается в достижении обоюдовыгодного итога.

Для изучения стратегии конфликта следует учесть, что большинство конфликтных ситуаций — это, по существу, ситуации *торга*. Это ситуации, в которых способность одного из участников добиваться своих целей в значительной степени зависит от выбора другого участника или решений, которые тот примет. Переговоры (торг) могут быть явными, когда один предлагает уступки, или они могут представлять собой молчаливое маневрирование, когда, например, одна из сторон занимает или освобождает стратегически важную территорию.

Здесь можно, как в случае торговли на рынке, брать за точку отсчета статус-кво и искать решения, которые принесут выгоду обеим сторонам; а можно угрожать нанесением ущерба, что может подразумевать и обоюдный ущерб, как это происходит при забастовке, бойкоте, в ценовой войне или при вымогательстве.

Рассмотрение образа действий участников конфликта как процесса торга полезно, так как оно не позволяет нам концентрировать внимание исключительно на конфликтной составляющей или на общем интересе. При описании маневров и действий в рамках ограниченной войны как торга подчеркивается, что, кроме расхождения интересов, послужившего предметом спора, существует веский общий интерес к достижению результата, не слишком разрушительного для ценностей обеих сторон. «Успешная» забастовка — вовсе не та, которая финансово уничтожит работодателя; «успешная» забастовка может, в сущности, и не состояться. Нечто подобное будет верным и в случае войны.

С точки зрения нашей темы особый интерес представляет эволюция идеи «сдерживания». С тех пор как сдерживание было объявлено ключевым элементом американской национальной стратегии, прошло двенадцать лет, и все эти годы концепция оттачивалась и совершенствовалась. Мы узнали, что, для того чтобы быть эффективной, угроза должна быть правдоподобной, а ее правдоподобие может зависеть от издержек и рисков, связанных с ее осуществлением угрожающей стороной. Мы разработали идею придания правдоподобия угрозе путем взятия на себя обязательств по ее реализации, устанавливая своего рода «растяжки» на путях наступления врага или делая осуществление этой угрозы вопросом национальной гордости и престижа, как в случае, скажем, резолюции по Формозе (Тайваню). Мы узнали, что готовность сражаться в ограниченной войне в отдельных регионах может уменьшить угрозу массированного возмездия при сохранении возможности выбора меньшего зла на случай непредвиденных обстоятельств. Мы рассмотрели возможность того, что угроза ответного удара будет более правдоподобной, если средства ее применения и ответственность за это применение отдать в руки тех, чья решимость наиболее сильна, как в последних предложениях по «ядерному участию» («nuclear sharing»). Мы заметили, что рациональность противника является

условием результативности угрозы и что безумцами, как и малыми детьми, зачастую нельзя управлять с помощью угроз. Мы узнали, что действенность угрозы может зависеть от альтернатив, доступных потенциальному врагу, которому, чтобы он не среагировал как лев в западне, нужно оставить некоторый приемлемый выход. Мы пришли к пониманию того, что в ситуации, когда враг решает пренебречь угрозой массированного возмездия, она лишь стимулирует его начать нападение с массированного удара по нам; это оставляет ему меньшее пространство для маневра и заставляет выбирать между крайностями. Мы узнали, что угроза массового уничтожения может сдерживать врага, только если она сопряжена с неявным обещанием не наносить удар в случае, если он пойдет на уступки, так что мы должны подумать, не побудит ли его слишком большая мощь наших сил первого удара самому нанести удар первым, чтобы избежать разоружающего воздействия нашего первого удара. И из недавнего: в связи с так называемыми «мерами безопасности на случай внезапной атаки» мы начали обдумывать возможности улучшения взаимного сдерживания через контроль над вооружениями.

Впечатляет не то, насколько запутанной оказалась идея сдерживания и с какой тщательностью она разрабатывалась и совершенствовалась, а то, каким медленным был этот процесс, насколько неопределенными остаются понятия и насколько неэлегантна теория сдерживания в ее текущем состоянии. Это сказано не для того, чтобы преуменьшить усилия людей, которые развивали концепцию сдерживания на протяжении последних двенадцати лет. В стратегических вопросах, примером которых является сдерживание, те, кто пытались разработать методы решения насущных проблем, не могли обратиться за помощью к уже существующей теории. Вместо этого они должны были создавать ее сами по мере продвижения вперед. По сдерживанию не существует научной литературы, которую можно было бы сравнить, скажем, с литературой по инфляции, азиатскому гриппу, обучению чтению в начальной школе или смóгу.

Более того, тех, кто занимается такими идеями, как сдерживание, обычно не интересует кумулятивный процесс развития теоретической структуры, поскольку они решают главным образом текущие проблемы. Это верно не только в отношении политиков и журналистов, но и в отношении ученых.

Отражает ли это интересы ученых или редакторов, но литература по сдерживанию и связанным с ним концепциям занимается в основном решением текущих проблем, а не методологией их решения[2]. У нас нет даже подходящей терминологии; случайные термины вроде «активного» или «пассивного» сдерживания не заполняют этот пробел.

Как объяснить недостаточную развитость теории? Я полагаю, одна из главных причин заключается в том, что у военных, в отличие от почти любой другой массовой и уважаемой профессии, отсутствует сколько-нибудь заметная академическая составляющая. Те, кто разрабатывает государственную политику в сфере экономики, медицины, здравоохранения, агрономии, образования или уголовного права, легко могут назвать своих ученых коллег в академическом мире. (В экономике число подготовленных людей, занятых исследованиями и пишущих книги, сравнимо с числом занятых в сфере разработки и проведения экономической политики.) Но где ученые коллеги военных?

Их по большому счету нет в военных академиях, которые занимаются скорее обучением, чем научными исследованиями. Их нет или почти нет в военных колледжах и других нетехнических высших образовательных учреждениях видов вооруженных сил, где до сих пор нет стабильного профессорско-преподавательского состава, где по-прежнему не возникло ориентации на исследования и системы ценностей, необходимой для непрерывного и систематического развития теории.

---

[2] Существует несколько великолепных обратных примеров, таких как работа Шервина: C. W. Shervin, "Securing Peace Through Military Technology," *Bulletin of the Atomic Scientists*, 12: 159—164 (May 1956). Ссылка Шервина на статью Уоррена Амстера напоминает нам о том, что, когда развитие теории стимулируется военными проблемами, как в нашем случае, не все может быть опубликовано в открытой печати. Существуют и серьезные препятствия редакционного характера; журналы по вопросам международных отношений адресуются по большей части аудитории, которая не интересуется теорией, поэтому они вынуждены отвергать серьезные теоретические статьи и сосредоточиваться на безотлагательных проблемах. То, что последний номер журнала *Conflict Resolution* полностью посвящен великолепному эссе Анатоля Раппопорта "Lewis F. Richardson's Mathematical Theory of War" (vol. I, no. 3, September 1957) — вдохновляющая примета начала движения в ином направлении.

В университетах США вопросами военной стратегии занимается небольшое число историков и политологов, масштабы финансирования деятельности которых наводят на мысль, что удержание русских от завоевания Европы примерно столь же важно, как применение антимонопольных законов. Это не умаляет достижений этих ученых, но подчеркивает, что в университетах, как правило, нет никаких сколько-нибудь заметных отделений или исследовательских направлений, связанных с военными профессиями и ролью силы в международных отношениях. (Программы Службы подготовки офицеров резерва недавно стали одним из немногих исключений — они, по крайней мере, стали стимулом к организации соответствующих курсов в рамках изучения истории и политических наук.) Программы оборонных исследований и соответствующие подразделения, которые теперь есть во множестве университетов, а также внимание, уделяемое этими организациями проблемам международной безопасности, — новое и существенное достижение. Новые неправительственные исследовательские организации вроде *RAND Corporation* и Института оборонного анализа (*Institute for Defense Analysis*) существенно помогают удовлетворять потребность в академических исследованиях в военной области, но само их появление может свидетельствовать о такой нужде.

Может возникнуть вопрос: разве сами военные не могут создать жизнеспособную теорию, чтобы пролить свет на идеи вроде сдерживания или ограниченной войны? В конце концов, теорию развивают не одни лишь специалисты, замкнутые в университетских стенах. Если военные интеллектуально готовы к эффективному *использованию* военной силы, то, казалось бы, они должны быть готовы разрабатывать теории в этой области. Но здесь важно различать *применение* силы и *угрозу* силы. Сдерживание связано с использованием силового потенциала. Оно призвано убедить вероятного противника в том, что в его собственных интересах воздерживаться от определенных действий. Существует важное различие между интеллектуальными навыками, требуемыми для выполнения военной задачи, и теми, которые нужны для применения *потенциальной* военной мощи при преследовании национальных целей. Теория сдерживания должна быть фактически теорией умелого *неприменения* военной силы, и поэтому для сдерживания требуется нечто большее, чем военное мастерство. Военные

профессионалы могут обладать этим «нечто», но это качество они не приобретают просто в результате исполнения своих основных обязанностей, занимающих все рабочее время[3].

Теория игр — новое многообещающее направление исследований, возникшее пятнадцать лет назад и давшее надежду на создание такой теории стратегии. Теория игр в противоположность комбинаторным и азартным играм изучает «стратегические» игры, в которых наилучший образ действий каждого участника зависит от того, каких действий он ожидает от других участников. Сдерживающая угроза прекрасно отвечает этому определению; она срабатывает лишь благодаря тому, что другой игрок ожидает наших действий в ответ на его шаги, и мы можем позволить себе угрожать, так как ожидаем, что это повлияет на его выбор. Но в области международной стратегии надежды, подававшиеся теорией игр, пока не сбылись. Теория игр была чрезвычайно полезна для формулирования проблем и разъяснения концепций, но наибольших успехов она добилась в других областях. В целом она оставалась на уровне абстракций, почти не соприкасающихся с элементами проблем, подобных сдерживанию[4].

---

[3] Отсутствие сильной интеллектуальной традиции в области военной стратегии убедительно показал Бернард Броуди в первых главах своей книги: Bernard Brodie, *Strategy in the Missile Age* (Princeton, 1959). Будет весьма кстати вспомнить и предисловие полковника Джозефа Грина к сочинению Клаузевица «О войне» (New York, 1943), изданному в серии «Современная библиотека»: «В течение почти всего межвоенного периода две высших школы нашей армии ограничивались единственным курсом продолжительностью примерно в десять месяцев для всех специально отобранных военнослужащих... Не было иной возможности для более длительного изучения долгого пути развития военной мысли и военной теории... Если для нашей армии когда-либо станет возможным более продолжительное высшее образование — длительностью в два-три года — то величайшие военные мыслители заслуживали бы специального курса» (с. xi—xii).

[4] Джесси Бернард определяет ее сходным образом, но добавляет: «Можно ожидать, что в недалеком будущем появится математический аппарат, потребный для эффективного применения теории игр к социологическим явлениям» (Jessie Bernard, “The Theory of Games as a Modern Sociology of Conflict,” *The American Journal of Sociology*, 59: 418 [March 1954]). На мой взгляд, сегодняшние проблемы не связаны с недостатками математического аппарата,

Идея сдерживания играет столь важную роль в некоторых областях, помимо международных отношений, что можно было бы ожидать наличия хорошо разработанной теории, доступной для использования применительно к международной области. Сдерживание долгое время было важной концепцией уголовного права. Естественно было бы ожидать того, что многие поколения законодателей, юристов, адвокатов и правоведов подвергнут концепцию сдерживания тщательным и систематическим исследованиям. Безусловно, сдерживание не единственное, даже не самое важное понятие уголовного права. Тем не менее оно играет достаточно заметную роль, чтобы предположить существование теории, принимающей во внимание виды и размеры применяемых к виновному санкций, систему ценностей потенциального преступника, выгоду от совершения преступления, способность правоохранительной системы находить преступника, задерживать его и предъявлять обвинение, знание преступником закона и вероятности быть схваченным и осужденным, степень, в которой различные типы преступлений мотивированы рациональным расчетом, решимость общества не скупиться и не проявлять мягкосердечия в применении дорогостоящих или неприятных наказаний, а также то, насколько хорошо эта решимость (или ее отсутствие) известна преступнику, вероятность ошибок системы, возможности третьих лиц эксплуатировать систему для личной выгоды, роль коммуникации между организованным обществом и преступником, организации, создаваемые преступниками с целью противостоять системе и т.д.

Сдерживать приходится не только преступников, но и наших собственных детей. В воспитании детей ярко проявляются некоторые аспекты сдерживания: важность рациональности и самодисциплины того, кого сдерживают, способность понимать услышанную угрозу и способность выделять ее среди информационных помех и шума, а также решимость угрожающего воплотить угрозу в случае необходимости — и, что более важно, убежденность того, кому угрожают, в том, что угроза будет исполнена. Существует аналогия между угрозой ребенку со стороны родителя и угрозой, которую богатая

а теория стратегии страдает от того, что представители социальных наук склонны рассматривать ее предмет так, как будто он является или должен быть лишь разделом математики.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)